

УДК 82-31

ОБРАЗ ПОКОЛЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНОМ РОМАНЕ В.АКСЕНОВА «ТАИНСТВЕННАЯ СТРАСТЬ (РОМАН О ШЕСТИДЕСЯТНИКАХ)»

© Н.Г.Махинина

В статье рассматривается специфика создания образа поколения в романе В.Аксенова в контексте как мифотворческих, так и мифоборческих тенденций. Утверждается, что основным приемом, определяющим образ поколения у писателя, становится ирония.

Ключевые слова: В.Аксенов, шестидесятники, миф, ирония.

Поколение – одна из значимых категорий в творческом сознании В.Аксенова. Эту значимость обусловила принадлежность писателя к особому поколению, именуемому в истории как «шестидесятники». Пережившие крушение имперской мифологии, они долгое время сохраняли романтическую веру в возможность создания идеального мироустройства. Л.Аннинский в книге «Шестидесятники и мы» (1991) обозначил это качество как «неповрежденный идеализм».

Поэтому как мировидение, так и творчество шестидесятников во многом определяются двумя началами: «мифотворческим и мифоборческим» [1: 19]. Аксенов, как и другие шестидесятники, участвует в процессе сотворения мифов о революции, дороге, романтике, которые в совокупности создавали миф о поколении. И для своей первой повести, которая принесла ему известность, Аксенов выбирает заглавие, выражающее, с его точки зрения, особый характер общности поколения, принадлежность к которому он ощущал, – «Коллеги».

Однако параллельно в творчестве писателя разворачивается процесс разрушения мифа о поколении. Свое завершение он получает в последнем законченном, посмертно изданном (частично он издавался в 2008 г. в журнале «Караван. Коллекция историй») романе «Таинственная страсть (роман о шестидесятниках)» (2009).

В жанровом отношении это трудноопределимый сплав реальных фактов и художественного вымысла. В своеобразном предисловии к роману автор определяет собственную установку на обращение с фактами: «Сомневаюсь, что прототипы литературных героев романа когда-либо собирались все вместе, как это произошло с героями в главах 1968 года в романическом Коктебеле под эгидой некоего всемирного духа, называющего себя Пролетающим-Мгновенно-Тающим. Не вполне уверен в хронологической точности событий романа, а также в графической схожести портретов и в полной психологи-

ческой близости героев и прототипов. Я всегда испытывал недоверие к мемуарному жанру» [2]. Этой установке, однако, противоречит помещение в конце книги фотографий тех, кто стал образами его персонажей.

В начале романа возникает сцена исполнения Владом Вертикаловым песни «Охота на волков», за которой следует резюме: «Все трудящиеся социализма были потрясены «Волками». Все принимали простую, как кровь, метафору на свой счет: и только что зародившиеся диссиденты, и выслеживающие их чекисты родины; блатной народ и менты; художественная богема и замученные бесконечными требованиями партии идеологические аппаратчики...» [2]. Это длинное перечисление охватывает все те общественные группы, которые в совокупности принято было называть народом. И их всех автор объединяет в одном чувстве – чувстве загнанного волка. В этом объединении возникает то, что и становится впоследствии структурообразующим началом повествования, – ирония. Она связана с сомнением в истинности такого коллективного ощущения.

Таким образом, для Аксенова «шестидесятники» – это, прежде всего, художники, по самой своей сути ориентированные на внутреннее сопротивление каким бы то ни было догмам. И единство их коренится в признании творческой правомочности друг друга. Описывая юность поколения, автор подчеркивает: «Так жили поэты, но каждый не встречал другого надменной улыбкой, такого не было, наоборот: каждый друг другу говорил: "Ты гений, старик!"» [2].

Однако, создавая образ поколения поэтов, Аксенов иронически подсвечивает его. Ирония проявляется уже в характере «шифровки» имен. Прибегнув к приему, использованному В.П.Катаевым в романе «Алмазный мой венец», В.Аксенов, в отличие от него, делает эти условные обозначения предельно прозрачными и в то же время явно носящими иронический характер:

Роберт Рождественский – Роберт Эр; Евгений Евтушенко – Ян Тушинский; Булат Окуджава – Кукуш Октава; Владимир Высоцкий – Влад Вертикалов. Заявленная в имени и иронически подсвеченная им черта становится определяющей в структуре образа персонажа: прямолинейность Роберта; склонность к позерству и некоторое барство Яна; мягкость и застенчивость Кукуша и т.д.

В изображении героев писатель использует разные виды иронии, сложно сочетая их. Так, достаточно едкая, порой, ирония используется в создании образа Яна Тушинского. Такого рода иронией пронизано описание поведения героя в различных ситуациях: *«У балюстрады под фонарем, окруженным толпишкой поклонников, стоял высокий Ян Тушинский в широкой гавайской рубаше. Не исключено, что это была единственная фирменная гавайская рубаша во всем Восточном Крыму. Во всяком случае, Тушинский именно так себя держал: да, я единственный здесь в настоящей гавайской рубаше»* [2]. Определения «высокий», «широкая», «фирменная» вступают в противоречие с образом «толпишки поклонников», иронически обозначая некоторое излишнее самодовольство героя. Ряд подобных описаний приобретает карикатурно-анекдотический характер, почти в духе Хармса: *«Он любил, бывало, подходить к прохожим на улице и спрашивать, кого они считают первым поэтом России. Получив правильный ответ, подпрыгивал в восторге – так бурлила в нем его энергия. От неправильного ответа унывал, но ненадолго»* [2].

Центральной фигурой в романе становится Роберт Эр. Именно к нему стягиваются все сюжетные ответвления. Видимо, именно в нем, по мысли В.Аксенова, наиболее очевидно отразились как то значимое, что внесло поколение шестидесятников в духовную атмосферу советского общества середины 1950-х – 1960-х гг., так и то, в чем оно проявило свою слабость и несостоятельность.

В структуре образа Роберта Эра возникает как мягкая, так и трагическая ирония. В связи с этим любопытно привести высказывание еще одного шестидесятника А.Гладилина, содержащееся в его размышлениях по поводу романа, опубликованных на страницах журнала «Казань». Говоря о том, что образ Роберта Эра у Аксенова получился несколько «пересушенным», он усматривает в этом некий нажим на писателя и приводит цитату из романа, комментируя ее: *«Вы не чувствуете насмешки? А ведь нигде больше в романе, ни в начале, ни в конце, автор не иронизирует над Робертом Эром, у него к нему ровное, любящее, дружески-сочувственное отношение»* [3].

На наш взгляд, ирония присутствует в структуре образа этого персонажа почти постоянно, но, как уже говорилось выше, это преимущественно мягкая ирония. Она проступает в постоянном подчеркивании тяжеловесности или, как в одном месте говорит автор, «увальноватости» героя, негритянских черт его внешности. Примечательно, что обращение «товарищ негр» по отношению к Роберту Эру звучит в романе дважды. В начале романа это дружеско-ироническое обращение ближайшего друга Юстаса Юстинаускаса: *«В этих раздумьях он упустил появление симферопольского такси и дал Юстасу возможность приветствовать его первым: "Мистер Роберт, дорогой товарищ негр, в вашем лице мы приветствуем угнетенные народы Африки!"*. Роберт, между прочим, под коктебельским солнцем и впрямь демонстрировал едва ли не стопроцентный негритууд: *огненно-шоколадная кожа, большие вывернутые губы, яркие белки глаз»* [2].

Ближе к финалу романа оно возникает в трагическом по существу описании похорон Влада Вертикалова, на которые Роберт по иронии судьбы попадает случайно, один из присутствующих называет его «товарищ негр», не узнав и действительно приняв за негра.

Уже в таком соотношении отчетливо проявляется себя трагическая ирония, которая нарастает к финалу романа. Ироничными являются комментарии автора, сопровождающие как поведение героя в настоящем, т.е. в 1968 г., так и сопровождающие его условную биографию.

В начале романа Роберт Эр в похмельном состоянии выходит на аллею территории Литфонда, на которой стоит памятник Ленину: *«Здесь, обозначая центр, зиждился бюст Вечно Живого. Роберт тут покачался, оживляя голеностопы. Потом, опершись на пьедестал, сделал глубокую растяжку, как с левой стороны, так и с правой. В ходе растяжки ног он развивал и свою думу о Ленине. Говорят, что надо покрасить заново, но по мне он и так хорош. Что бы ни говорили, но он мыслитель глобального масштаба. Те, кто хотят его опровергнуть, не читали ничего из его трудов. Я все-таки хоть что-то читал»* [2].

Иронический комментарий присутствует в изложении и так называемой внутренней биографии Роберта Эра: *«В юности у Роберта не было никаких сомнений, кроме одного: как можно не верить во все наше свято-советское, иными словами, как можно быть нашим врагом? Иной раз ночью, в тишине, в одиночестве, при созерцании, скажем, Млечного Пути, его посещало что-то непостижимое, какой-то иголочный укол, но до того огромный, что все наше*

победоносное и эпохальное казалось по сравнению с этим уколом полным нулем» [2]. Комментарий, как видим, содержит в себе противоречие: вера в сегодняшне-сиюминутное вступает в сознании героя в противоборство с неким вселенским чувством. Комментатор этого противоречия как бы не замечает, и это становится знаком иронического отношения к наивности идеалистических воззрений героя, связанных с современным ему обществом.

Трагическая ирония выходит на первый план в эпизоде, когда Роберт Эр выступает с высокой трибуны во время печально знаменитой встречи руководителей партии и правительства с представителями советской художественной интеллигенции в марте 1963 г. Намерение открыто высказать свой протест против кампании по искоренению свободного творческого духа вступает в противоречие с одолевшим героя приступом заикания.

Достаточно сложный сплав иронических интенций возникает в образе Аксена Ваксона, прототипом которого, как нетрудно догадаться, выступает сам писатель. С одной стороны, это равноправный герой романа, и в его изображении тоже возникают элементы иронии. Например, в эпизоде, где он рассказывает о своей работе: *«Знаешь, Роб, я два месяца в Эстонии сидел, в заброшенном военном городке. Писал рассказы. Полностью овладел жанром, старик. Задвинулся на этом жанре, старик. Один рассказ писал двадцать четыре часа без перерыва, не помню даже, ходил ли в сортир. В конце концов поставил точку и свалился со стула. Вот такой получился рассказ!»* [2].

С другой стороны, его взгляд на происходящее, на других героев явно сближается с авторским, приобретая холодновато-отстраненный характер: *«Ваксону вообще-то претила манера Роберта и его друга Юстаса выделять в какую-то свою особую касту так называемых "хороших, классных ребят". Нюансов в таких случаях не требовалось. Хороший парень, полезай в наш мешок хороших ребят! Поэта вообще-то трудно туда запихать, вечно будет выпирать из мешковины. Блок не был хорошим парнем»* [2].

Или любопытен его взгляд на Тушинского во время той самой встречи партии и правительства с художественной интеллигенцией: *«Ваксон привстал и рассмотрел острые черты лица, покрытые, ей-ей, высокогорным румянцем. Этот Ян умудряется и глаголом жечь, и загорать – где? – ну, в Альпах, что ли?! Настроение при виде этого глобтроттера, естественно, повысилось. Ничего страшного не случится, когда такие люди в стране советской есть!»* [2]. Такая

отстраненность позиции и явно ощущаемая оценочность по отношению к поступкам других персонажей и вызывает у читателей и критиков ощущение некоего излишнего самодовольства и кокетства, которыми отмечена фигура Ваксона.

Иронический характер носит и композиция романа. Он построен как хроника, которая открывается августом 1968 г., затем следуют эпизоды, связанные с более ранними годами, далее – вновь возвращение в 1968 год. И уже потом – дальнейшая судьба шестидесятников, вплоть до 1994 г. – смерти Роберта Эра. Жизнь поколения дается через жизнь одного человека и сама предстает жизнью некоего единого организма. Молодость – в попойках, бесчинствах, купаниях гольшом; зрелость – в трудном отстаивании своих убеждений, в заблуждениях и ошибках; старость – в горьком подведении итогов. Выделены ключевые события жизни поколения: разгром выставки художников-формалистов в Манеже, встреча партии с интеллигенцией, суд над Синявским и Даниэлем, издание «Метрополя», тотальная эмиграция. Они рассматриваются как вехи взросления. Однако в эту цепочку вклиниваются сцены дружеских попок, подробные описания любовной близости героев. Создается ощущение, что взросление героев имеет какой-то внешний характер, внутренне же они сохраняют мироощущение подростков, которым вдруг открылась необходимость отстаивать не только свою личную свободу, но и свободу как ценность.

События августа 1968 г. – это композиционный центр романа. Ими открывается произведение, и они становятся его кульминацией в середине. Совершенно очевидно, что для Аксенова это «пробный камень», на котором проверяется не только единство поколения в его способности посмотреть правде в глаза, но и честность отдельных его представителей. Но примечательна сама атмосфера, в которой круг шестидесятников воспринимает страшную новость. Накануне разворачивается грандиозный пир в честь тройного дня рождения: Ваксона, Подгурского, Осляби. В описании этого пира можно выделить черты, свидетельствующие о присутствии демонического (попойка, сексуальные сцены), и это присутствие обозначается через иронию. Однако возникает в нем и ощущение чего-то высшего. Поэты читают свои стихи, аудитория упоенно внимает им, и появляется некий Пролетающий, ниспосылающий им свой *«собственный неизреченный вздох»* [2]. В дальнейшем повествовании образ Пролетающего становится лейтмотивным.

С этой двойственностью связан и смысл заглавия. В интервью Э.Неизвестного, являющегося прототипом одного из героев романа, высказана

важная мысль: «В шестидесятые годы советские люди как бы очнулись от магического сна. Мы были загипнотизированы адовыми, языческими идолами. Поэзия первой освобождалась от власти демонов. Поэт-медиум становился проводником таинственных инспираций, и чем случайнее, тем вернее слагались стихи навзрыд» [4]. Тот же Неизвестный считает, что речь идет о творчестве, которое несет в себе нечто истинное, несмотря на суету, грешность, заблуждения творцов: «...именно эту жажду творчества, которую невозможно убить никаким режимом, и называет Аксенов таинственной страстью...». В романе это точка зрения Роберта Эра: «...где оъянялись тогдашними портвейнами, "Агдамом" и "Тремя семерками", а главное, таинственной страстью к стихам, к дружбе, которая равнялась гениальности, и наоборот, гениальности, которая равнялась дружбе, и к юной любви» [2].

Другой смысл заглавия высвечивается в разговоре Ваксона и Роберта Эра и выражает позицию Ваксона: «И вдруг меня обожгло, я понял, что она прочла в одном стихе не совсем ту версию, что была напечатана в "Юности". Вот как звучала последняя строфа:

*Ну, вот и все, да не разбудит власть
Вас, беззащитных, среди мрачной ночи;
К предательству таинственная страсть,
Друзья мои, туманит ваши очи.*

IMAGE OF GENERATION IN V.AKSENOV'S FICTIONAL/NON-FICTIONAL NOVEL «A MYSTERIOUS PASSION (A STORY OF THE PEOPLE OF THE 60s)»

N.G.Mahinina

The article deals with the specific features of constructing the image of generation in V.Aksenov's novel "A Mysterious Passion (the Story of the People of the 60s)" in the context of myth-creation and demythologization tendencies. The author proves that the main device used by the writer is irony, which is a contributing factor in creating the image of the generation of the 60s.

Key words: V.Aksenov, people of the 60s, myth, irony.

*****

Махинина Наталья Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы XX – XXI вв. и методики преподавания Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: mahinin@rambler.ru

Мне иногда кажется, что призрак предательства за ней, а стало быть, и за всеми, волочится еще со времен Бориса» [2].

Действительно, в череде событий, описываемых в романе, героям приходится проходить сквозь череду как мелких, так и крупных предательств.

Итак, широко используя возможности иронического изображения, писатель создает неоднозначный портрет поколения шестидесятников. Сохраняя романтический ореол, он показывает сложные нравственно-психологические противоречия, определившие существование этого поколения.

*****

1. *Куприянова А.И.* Мотив пути в прозе В.П.Аксенова 1960 – 1970-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2007. – 22 с.
2. *Аксенов В.П.* Таинственная страсть (роман о шестидесятниках) // www.belousenko.com/books/aksenov/aksenov_passion.htm (дата обращения 20.05.2012).
3. *Гладилин А.* Аксеновская «Таинственная страсть» в законе жанра // URL: srpkzn.ru/Gladilin-Aksenov.htm (дата обращения 20.04.2012).
4. *Неизвестный Э.* «О друзьях – товарищах» – размышления о книге В.Аксенова «Таинственная страсть» // URL: <http://art-of-arts.livejournal.com/434682.html> (дата обращения 20.04.2012).

Поступила в редакцию 22.05.2012